

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Б.И. Карипбаев, А.Д. Макатова, Т.А. Резвущкина

АННОТАЦИЯ

Актуальность данного исследования состоит в том, что интенсивный процесс цифровизации, который активно реализуется во всех современных обществах, затронул все фундаментальные институты общества: политику, экономику, семью, образование, медицину и др., что вызывает вопросы о последствиях данного процесса. В статье рассматривается процесс цифровизации политических институтов, который затрагивает такие сферы как политическое участие граждан, платформы гражданских инициатив, социальные сети и их влияние на избирательный процесс и существующее цифровое неравенство. Влияние процесса цифровизации на политическую сферу представляет собой до сих пор слабо изученную область знания с неоднозначными результатами исследований.

Авторы считают, что активная цифровизация всех сфер жизни общества вызывает важные вопросы о последствиях этого процесса, включая его влияние на политические институты. Несмотря на неоднозначные результаты исследований, авторы выделяют два противоречивых аспекта цифровизации политики: возможность повышения прозрачности и участия граждан, а также угрозу манипуляций и формирования нового класса «цифровых бюрократов». В связи с этим, статья призывает к осмыслению текущих трендов и разработке своей стратегии цифровизации в политической сфере.

Цель и новизна данного исследования заключается в следующем: 1. С одной стороны, процесс цифровизации делает прозрачным государственные органы управления, демократизирует политическую дискуссию, открывает доступ к информации и создает условия для цифрового участия гражданского общества в политической деятельности. 2. С другой стороны, цифровизация создает условия для фабрикации данных, манипуляции мнением граждан и их политическими ценностями, установками и поведением, формирует новый класс «цифровых бюрократов». Такая ситуация требует осмысления трендов цифровизации в сфере политического и выработки собственной государственной стратегии цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация, политические институты, политическое участие, цифровая бюрократия, государственные стратегии цифровизации, цифровые платформы, персонализация политики, цифровая мобилизация.

Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганды, Казахстан

Автор-корреспондент:
Резвущкина Т.А.,
rezvushkina_t78@mail.ru

Ссылка на данную статью:
Карипбаев Б.И.,
Макатова А.Д.,
Резвущкина Т.А.
Трансформация политических институтов общества в условиях цифровизации // Адам әлемі. – 2024. – №3 (101). – С. 132-143.

Цифрландыру жағдайындағы қоғамының саяси институттарының трансформациялануы

Аңдатпа. Зерттеудің өзектілігі барлық заманауи қоғамдарда белсенді түрде жүзеге асырылатын цифрландырудың қарқынды процесі қоғамның барлық іргелі институттарына: саясатқа, экономикаға, отбасына, білімге, медицинаға және т.б. әсер етуімен осы процестің салдары жайлы сұрақтарды туғызады. Мақалада азаматтардың саяси қатысуы, Азаматтық бастамалар платформалары, әлеуметтік желілер және олардың сайлау процесі

мен қолданыстағы цифрлық теңсіздікке әсері сияқты салаларды қозғайтын саяси институттарды цифрландыру процесі қарастырылады. Цифрландыру процесінің саяси салаға әсері зерттеулердің аралас нәтижелері бар әлі де нашар зерттелген білім саласы болып табылады.

Авторлар қоғамның барлық салаларын белсенді цифрландырылуы осы процестің салдары, оның саяси институттарға әсері маңызды сұрақтар туғызады деп санайды. Зерттеулердің аралас нәтижелеріне қарамастан, авторлар саясатты цифрландырудың екі қарама-қайшы аспектісін анықтайды: азаматтардың ашықтығы мен қатысуын арттыру мүмкіндігі, сондай-ақ манипуляциялар мен «цифрлық бюрократтардың» жаңа тапты қалыптастыру қаупі. Осыған байланысты мақала ағымдағы трендтерді түсінуге және саяси салада өзінің цифрландыру стратегиясын әзірлеуге шақырады. Зерттеудің мақсаты мен жаңалығы: 1. Бір жағынан, цифрландыру процесі мемлекеттік басқару органдарын транспарентті етеді, саяси пікірталасты демократияландырады, ақпа-ратқа қол жеткізуге мүмкіндік береді және азаматтық қоғамның саяси қызметке цифрлық қатысуына жағдай жасайды.

Түйін сөздер: цифрландыру, саяси институттар, саяси қатысу, цифрлық бюрократия, цифрландырудың мемлекеттік стратегиялары, цифрлық платформалар, саясатты жекелендіру, цифрлық мобильділік.

Transformation of Political Institutions of the Society in the Context of Digitalization

Abstract. The relevance of this study lies in the fact that the intensive process of digitalization, which is actively being implemented in all modern societies, has affected all fundamental institutions of society: politics, economics, family, education, medicine, etc., which raises questions about the consequences of this process. The article examines the process of digitalization of political institutions, which affects such areas as the political participation of citizens, platforms of civil initiatives, social networks and their impact on the electoral process and the existing digital divide. The impact of the digitalization process on the political sphere is still a poorly studied area of knowledge with mixed research results.

The authors believe that the active digitalization of all spheres of society raises important questions about the consequences of this process, including its impact on political institutions. Despite the mixed results of research, the authors highlight two contradictory aspects of the digitalization of politics: the opportunity to increase transparency and citizen participation, as well as the threat of manipulation and the formation of a new class of "digital bureaucrats." In this regard, the article calls for understanding current trends and developing your own digitalization strategy in the political sphere. The purpose and novelty of this research is as follows: 1. On the one hand, the digitalization process makes government bodies transparent, democratizes political discussion, opens access to information and creates conditions for the digital participation of civil society in political activities. 2. On the other hand, digitalization creates conditions for the fabrication of data, manipulation of the opinions of citizens and their political values, attitudes and behavior, and creates a new class of "digital bureaucrats". This situation requires understanding digitalization trends in the political sphere and developing one's own state digitalization strategy.

Key words: Digitalization, Political Institutions, Political Participation, Digital Bureaucracy, Public Policy In Digitalization, Digital Platforms, Personalization of Politics, Digital Mobilization.

Введение

Влияние цифровизации на политические институты и политическое участие представляет собой до сих пор слабо изученную сферу с неоднозначными результатами исследований. С одной стороны, цифровизация способствует открытости информации и облегчает гражданам контроль над деятельностью государственных органов. С другой стороны, она же, возможно, дает возможность манипуляции мнением и позицией граждан по политическим вопросам. Информационные войны и кибервойны становятся реальной частью мировых конфликтов и противостояний [1]. Эти

процессы могут оказать огромное влияние на политические системы обществ.

Цифровизация и массовое распространение социальных сетей меняют роль института средств массовой информации в политической системе общества. СМИ теряют монополию на предоставление гражданам информации. Традиционно СМИ выполняли функцию контроля доступа граждан и объединений, организаций к публичной сфере. Теперь такой контроль доступа невозможен. Каждый имеет возможность стать участником или даже инициатором публичной дискуссии по тому или иному вопросу. Произошла демократизация политической дискуссии [2].

В то же время ряд исследователей выдвигает альтернативную точку зрения, предполагая, что цифровизация не изменила сущностного характера бюрократии и государственного аппарата, который продолжает соответствовать веберовской модели. Новые инструменты привели лишь к кристаллизации «цифровой бюрократии», которая все также ориентирована на эффективность и рациональность. Цифровизация позволила бюрократии в значительной степени расширить сферу своего контроля, что обусловлено всеобщей прозрачностью и наличием огромных объемов дополнительных данных [2].

Методология

При написании статьи были использованы такие методы как анализ и сравнение, что включает в себя изучение статистических данных, международных и национальных отчетов о развитии, научных статей и публикаций в сфере цифровизации, цифровых технологий, искусственного интеллекта.

Предмет данного исследования – влияние цифровизации на политические институты и политическое участие – является объектом междисциплинарного исследования, поскольку исследуемый процесс связан и с технологией, и с политическими процессами, и с поведением человека. Поэтому методология данного исследования включает как принципы и методы философской рефлексии, так и общенаучную методологию, методологию междисциплинарного уровня, а также методологию частных наук, что, в целом, соответствует современным тенденциям формирования интегральной методологии в науке.

В философскую методологию данного исследования входят, прежде всего, следующие базовые (универсальные) принципы и методы: единство истори-

ческого и логического, восхождение от абстрактного к конкретному, принципы развития, целостности и конкретности, системности, дополнительности, историзма, единичного и всеобщего, всеобщих связей и т.д. Что касается политической методологии данного исследования, то здесь основным методологическим подходом является системный подход к сфере политики американского социолога, создателя теории структурного функционализма Т. Парсонса, который рассматривал общество как сложную социальную систему, состоящую из подсистем – экономической, политической, духовной и интегративной. Системный подход является междисциплинарным философско-методологическим и научным направлением современных исследований, в основе которого лежит понимание и исследование объектов как системной целостности. Это ключевое методологическое положение (системная целостность объектов) является ключевым в контексте целей и задач данного исследования, поскольку модернизационные сверхзадачи, стоящие перед нашей страной, требуют, в первую очередь, консолидации усилий всех институтов общества и единства граждан республики. Именно поэтому системный подход, ориентированный на раскрытие целостности объекта, нацеленный на выявление его множественных и многообразных типов связей (как внутри, так и вне него), позволяет выстроить общее понимание и видение процесса.

Основная часть

Какие же стратегии могут применять государства в условиях растущей цифровизации? Американский политолог Фальк выделяет несколько основных стратегий, различая их по приоритетам [3, с.187-216]. Они представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Стратегии государств в вопросах цифровизации

Основная цель	Примеры	Подход
Е-нация	Сингапур, Южная Корея	Интегрированный, под управлением специализированных государственных органов
Инклюзивность	Индия, Филиппины	Инклюзивный рост, развитие ИТ сектора
Конкурентность	Великобритания, Германия	Развитие конкуренции в секторе ИТ
Демократия	Австралия	Развитие демократии как основы экономического роста в будущем

Скорость и масштаб цифровизации, а также ее влияние на социальные институты, значительно увеличились в период пандемии COVID19, когда и гражданам, и бизнесу, и правительствам государств стала ясна неотложная необходимость перехода на новые технологии в образовании, экономике и в общественной жизни.

Ярким примером высокоскоростного внедрения цифровых технологий и услуг в период пандемии служит Турция. Если до пандемии количество услуг правительства, доступных гражданам посредством цифровых технологий, составляло 4260, то в мае 2020 года – уже 5058, а в 2022 году – 6664. Число пользователей цифровых государственных услуг при этом возросло до 60 миллионов человек. За два года пандемии Турция поднялась с 29-го места среди 34 государств до 16-го места среди 35 государств в оценке Европейской комиссии по уровню предоставления электронных услуг. Первые позиции в рейтинге занимают преимущественно страны с небольшим населением, поэтому продвижение в рейтинге такой густонаселенной страны, как Турция, особенно впечатляет. Такой результат достигнут благодаря работе по нескольким направлениям:

1. Цифровизация на уровне услуг центрального правительства осуществлялась под управлением Офиса цифровой трансформации. Офисом разработана Национальная стратегия искусственного интеллекта на 2021-2025 годы.

2. Цифровизация в сфере образования – цифровизация формального образования, создана платформа для дистанционного обучения. Удовлетворенность студентов дистанционным высшим образованием в Турции превышает средний международный уровень.

3. Цифровизация в сфере здравоохранения – создана цифровая платформа для отслеживания эпидемиологической статистики e-Pulse и мобильные приложения для информирования граждан о местах с повышенной вероятностью заражения. Стала активно развиваться телемедицина.

4. Цифровизация услуг местных органов власти – 47% местных органов власти увеличили число своих услуг, предоставляемых гражданам удаленно. Местные власти не только интегрировали в рамках цифровых платформ необходи-

мые гражданам услуги, но и предпринимали усилия по организации культурных и иных развлекательных мероприятий в цифровом формате [4, с.151-166].

Таким образом, каждое государство подходит к вопросу регулирования цифровизации в соответствии с собственной системой ценностей (например, по шкале государственное регулирование/свободная конкуренция), однако объединяет их внимание к вопросам цифровизации и понимание необходимости определения приоритетов и выработки стратегии действий в условиях растущей скорости и охвата цифровизации. Рассмотрим основные сферы цифровизации в политической сфере.

Трансформация политического участия

По мнению американского политолога Беннета, демократизация политического участия под влиянием цифровизации приводит к персонализации политики, которая характеризуется следующим:

1) этос толерантности и диверсификации взглядов;

2) рамки персонализированного действия снижают барьеры для идентификации;

Каналом участия становятся социальные сети, и каждый индивид может стать катализатором социального действия [5, с.157-161].

В то же время цифровизация в сфере публичного дискурса сопровождается двумя важными феноменами, которые непосредственно влияют на политическую систему:

1. Феномен «маленького мира» – человек замыкается в кластере своих друзей и единомышленников и доверяет только их мнению. Формируется обособленный «маленький мир», в котором любая информация, в том числе политическая, может приниматься за достоверную, если она соответствует общим представлениям членов данного сообщества.

2. Феномен «богатые становятся богаче» – человек, обладающий популярностью и известностью в социальных сетях, будет получать все больше и больше внимания (например, подписчиков), в то время как начинающий блогер не сможет привлечь внимание к своей по-

зиции [6, с.20-39].

Оба данных феномена затрудняют свободный обмен информацией и при неблагоприятном стечении обстоятельств могут привести к конфликтам, в том числе по политическим вопросам.

Дубов и соавторы предлагают комплексную оценку влияния цифровизации на политические институты и политическое участие. Они отмечают такие факторы, как:

Мобилизация. Цифровизация сделала возможной мобилизацию граждан для участия в обсуждении и принятии политических решений. Так, онлайн платформы для петиций, обращений и голосования предусматривают вовлечение сотен тысяч граждан в обсуждение того или иного общественно-политического вопроса. При этом необходимо гарантировать гражданам эффективность такого способа участия. Например, в Великобритании в 2010 году была создана онлайн платформа для сбора петиций. Если петиция набирает на данной платформе 10 тысяч подписей, правительство обязано отреагировать на содержание петиции. Если петиция набирает 100 тысяч и более подписей, поднятый в ней вопрос непосредственно рассматривается в парламенте.

Традиционные формы участия, такие как голосование, тоже могут задействовать цифровые технологии. Например, существует онлайн голосование на выборах. В то же время до сих пор не разработаны механизмы защиты такого участия от фальсификаций, поэтому многие страны, опробовав онлайн голосование, вернулись к традиционному голосованию (пример – Франция в 2017 году).

В то же время социальными сетями как каналом мобилизации пользуются и экстремистские группировки. Упомянутый выше феномен «маленького мира» может привести к росту радикальных настроений в той или иной социальной группе в отсутствие альтернативных мнений и суждений. К подобной же проблеме радикализации политических взглядов может привести ориентация индивидов на недостоверную информацию. В условиях обилия достоверной и недостоверной информации в Интернете никто не может гарантировать качество и надежность ее источников. Хотя неко-

торые попытки проверки информации предпринимаются социальными сетями, таким как Facebook, зачастую они вызывают еще более сильное недовольство и критику со стороны пользователей.

Микро-таргетирование. Диссеминация информации через социальные сети приводит к тому, что политическое сообщение более не должно транслироваться широкой публике – инновации в науке, о данных и цифровом маркетинге приводят к тому, что определенные группы населения таргетируются посредством создания сообщений специально для данных групп с учетом их особенностей и предпочтений.

Цифровое неравенство в сфере политического участия. Одним из негативных и потенциально проблемных следствий цифровизации является отражение цифрового неравенства на сфере политического участия. Возможности для цифрового политического участия ограничены у людей старшего возраста и членов социально уязвимых групп. По мере расширения использования цифрового участия в политике, это может привести к недостаточной репрезентации интересов данных групп в сфере политического [7, с.12].

Платформы для гражданских инициатив

Цифровизация создала беспрецедентные новые возможности для обмена информацией и дискуссии между политическими лидерами, движениями и организациями и непосредственно гражданами. Во многих странах создаются онлайн платформы для прямого выдвижения гражданами инициатив, которые они хотели бы видеть воплощенными в политических решениях, а также для обсуждения данных инициатив, составления и подписания петиций. Такие платформы представляют собой форумы для представления, анализа, визуализации информации, постановки социальных проблем и предложения решений по социальным и политическим вопросам.

Одним из примеров цифровых платформ, созданных с целью сбора и обсуждения гражданских инициатив, касающихся городского планирования, является textizen (textizen.com). В настоя-

щее время данную платформу используют такие американские города как Филадельфия и Бостон. Платформа позволяет гражданам и государственным служащим на местном уровне вести диалог в формате вопросов-ответов. Платформа позволяет создавать опросы и стимулирует граждан к использованию в своих вопросах кейсов – конкретных примеров по той или иной проблематике. Те же два города, Бостон и Филадельфия, используют и платформу NewUrbanMechanics, которая позволяет гражданам представлять свои идеи по совершенствованию городской среды и инфраструктуры непосредственно мэриям городов. Уже к 2014 году в двух городах мэрии реализовали более 30 проектов по совершенствованию образования, транспорта и коммунальных услуг на основе предложений, выдвинутых гражданами [8].

С одной стороны, такие новые возможности внушают оптимизм в отношении нового этапа развития демократии. После нескольких веков доминирования репрезентативной модели демократии с присущей ей проблемой принципа и агента (агент всегда обладает большим объемом информации, чем принципал, что позволяет агенту использовать данную информационную асимметрию в своих интересах, агентом в данном случае является профессиональный политический деятель, а принципалом – его избиратели), казалось бы, мы можем рассчитывать на возрождение прямой демократии в новой виртуальной среде. Преимуществом такой демократии может стать снижение информационной асимметрии между избирателями и профессиональными политиками, включая прямое и быстрое донесение до политической элиты потребностей и запросов избирателей.

Например, в вопросах городского планирования могут использоваться такие инструменты цифрового участия как PPGIS (public participation geo-spatial information systems, публичное участие в использовании гео-пространственных информационных систем), VGI (volunteered geographic information, добровольная географическая информация), коллаборационное картографирование и другие. PPGIS призваны обеспечить и максимально упростить участие маргинализирован-

ных групп в экологическом и городском планировании. Использование PPGIS направляется и координируется государственными органами, в то время как VGI зависят исключительно от инициативы граждан, так как именно граждане проявляют заинтересованность в добровольном предоставлении информации для городского планирования [9].

С другой стороны, как отмечают в своем анализе Сантини и Карвало, политическое участие посредством онлайн платформ остается затрудненным, зачастую является привилегией меньшинства, в то время как большинство остается молчаливым, и во многих случаях является «риторическим», то есть искусственно созданным для обеспечения видимости политической поддержки со стороны избирателей [10].

В Казахстане также постепенно развивается культура онлайн сообществ и онлайн дискуссий, на базе которой может сформироваться практика гражданской активности. По мнению Шкловски и Валтиссона, в Казахстане платформы для онлайн дискуссий не являются политическими (авторы использовали в качестве примера платформу ct.kz), тем не менее, на них формируются сообщества для обсуждения бытовых вопросов, которые могут создать в дальнейшем основу для политического участия и обсуждения вопросов государственной политики в той или иной сфере [11, с. 417-433].

Социальные сети и их политическое воздействие

Как отмечает американский политолог Брэдшоу, социальные сети в настоящее время имеют доминирующее влияние практически во всех аспектах человеческого взаимодействия, от межличностных отношений до глобальной экономики. Они оказывают значительное воздействие и на политические институты, отчасти замещая их. Социальные сети становятся источником новостей и информации для граждан по всему миру. В Казахстане ситуация соответствует мировым трендам, в особенности среди молодежи. Согласно исследованию «Молодежь Казахстана» за 2022 год, основными источниками информации о политической жизни для казах-

станской молодежи являются социальные сети, блоги, мессенджеры (60,3%). Большая часть молодежи при этом пользуется такими социальными сетями, как WhatsApp, Instagram, YouTube, TikTok. Менее половины опрошенных используют Telegram, ВКонтакте и Facebook [12].

Помимо распространения информации, социальные сети и платформы являются местом политической дискуссии, мобилизации политической активности. Политики полагаются на социальные сети для проведения кампаний, активизации поддержки и связи с избирателями.

Социальные медиа изменили способ распространения и потребления информации в современном обществе. Даже классические средства массовой информации вынуждены адаптироваться к «правилам игры» социальных платформ, к их алгоритмам. Традиционные СМИ создают контент, который будет пользоваться популярностью в социальных сетях и будет распространяться пользователями. В то же время обычные пользователи тоже могут стать источниками информации,

могут намеренно или ненамеренно создавать информационные поводы, события. При этом контент такой новости может не иметь информационной ценности, главное, чтобы он вызывал эмоции [13].

Распространение информации в социальных сетях имеет несколько ключевых последствий: 1) удешевление распространения информации; 2) увеличение скорости распространения информации; 3) адаптация акторов к изменившимся технологиям коммуникации; 4) социальные сети не только предоставляют информацию, но и формируют представление пользователей о происходящих событиях. Например, если речь идет о политическом конфликте, то социальные сети способны «сформировать конфликт» [14, с.1970-1991].

Социальные сети и платформы не являются нейтральными пространствами [15, с. 41-47]. Некоторые риски, связанные с распространением социальных сетей и их воздействием на политическое участие, схематично представлены на Рисунке 1.

Рисунок 1 - Риски, связанные с воздействием распространением социальных сетей

Ж. Приер рассматривает дезинформацию в социальных сетях как оружие для новой формы информационных войн. С его точки зрения, такое оружие является более персонализированным, прицельным, чем пропаганда, распространяемые с помощью традиционных средств массовой информации. Как отмечают Брэдшоу и Ховард, все больше правительств государств и негосударственных акторов вкладывают ресурсы в проведение дезинформационных компаний, создание «кибер войск» [16, с. 23-32].

Основной формой дезинформации в социальных сетях является тренд. Для создания тренда дезинформации необ-

ходимы четыре фактора: 1) сообщение, которое соответствует существующему, пусть даже и малоизвестному нарративу; 2) группа последователей, готовых поверить данному нарративу; 3) небольшая группа агентов или цифровых воинов; 4) сеть автоматизированных аккаунтов - «ботов» [17, с.50-85].

Важными факторами в анализе контента социальных сетей являются:

- ориентация на clickbait – ссылка на публикацию с заголовком, который провоцирует пользователей открыть публикацию, но не дает им достаточно информации о том, что они в ней увидят;
- вычислительная пропаганда – сово-

купность автоматизированных аккаунтов, микро-таргетирования через рекламные алгоритмы и иных инструментов, направленных на создание так называемого «информационного миража» (информации, которая кажется пользователю правдой, не требующей подтверждения). «Информационный мираж» редко и с трудом поддается опровержению, так как аудитория информационного миража не совпадает с аудиторией, которая

прислушивается в проверке фактов. Поэтому сообщение о проверке фактов и о том, что информационный мираж не соответствует действительности, не доходит до своих адресатов [18]. Между тем, уровень обеспокоенности реальной либо фальшивой информацией в Интернете, согласно имеющимся в литературе данным, значительно различается по странам [19, с. 30-36]. Данная ситуация показана на Рисунке 2.

Рисунок 2 - Обеспокоенность реальной и фальшивой информацией в Интернете
Цифровое неравенство

Цифровое неравенство является существенным препятствием к развитию экономики знаний. Под цифровым неравенством в литературе понимается неравенство в доступе к информации и возможностям ее использования [20]. Цифровизация и развитие Интернета предоставляют широчайшие возможности для работы и самореализации людей, но цифровое неравенство ограничивает их для значительной доли населения планеты. Основными факторами, формирующими цифровое неравенство, являются ограничения в образовании и доходе [21, с. 97-126]. Димаджио и соавторы добавляют к перечню факторов, формирующих цифровое неравенство, следующие:

1) регион и место жительства – люди, живущие в более экономически активных регионах (на примере США), чаще и с большим разнообразием используют Интернет;

2) статус занятости – чаще пользуются интернетом занятые, чем безработные и неработающие;

3) возраст – чаще используют Интернет молодые, чем пожилые и старые люди;

4) гендер – до 2001 года мужчины пользовались Интернетом чаще, чем женщины, затем пользование Интернетом мужчин и женщин сравнялось, позже женщины стали чаще пользоваться Интернетом (в зависимости от возрастной группы);

5) структура семьи – семьи с детьми чаще имеют стационарный компьютер [20].

Следует принимать во внимание, однако, что работа Димаджио и соавторов была проделана в 2004 году, и с тех пор ситуация по конкретным факторам использования Интернета значительно изменилась. Например, наличие детей и стационарного компьютера уже не является важнейшим фактором в пользовании Интернетом.

Постепенно изменился и фокус анализа цифрового неравенства, с акцента на доступе к Интернету он сместился к акценту на использовании Интернета. Проблема доступа к Интернету является проблемой технологической и должна решаться технологическими средствами. Эта проблема представляет собой первый уровень цифрового неравенства. Дихотомический анализ цифрового неравенства (наличие либо отсутствие доступа к Интернету) актуален

для ряда развивающихся стран, таких как Демократическая Республика Конго, Эритрея, Мадагаскар. Для развитых и приближающихся к ним уровню технологического развития стран необходим мультифакторный анализ цифрового неравенства, не ограниченный вопросами технологической доступности [3].

Современный анализ цифрового неравенства второго уровня должен фокусироваться на разнице в инструментальных и креативных навыках, коммуникативных способностях различных групп населения, а также на различиях в целях и способах использования цифровых технологий.

Некоторые исследователи говорят о трети уровня цифрового неравенства. Помимо физического доступа к цифровой среде (первый уровень), наличия умений и навыков пользования (второй уровень), современному человеку для полноценной самореализации в цифровой среде необходимо уметь не только просматривать страницы в Интернете, но и обладать способностью находить и вычлнять действительно ценную информацию, управлять социальным и профессиональным контекстами онлайн, осознавать потенциальные возможности, предоставляемые информационно-коммуникационными технологиями, развивать себя и увеличивать социальный и культурный капитал. Таким образом, третий уровень цифрового неравенства связан со способностью трансформировать преимущества цифровой среды в социальные преимущества и повышение качества жизни индивида [22].

С. Жао и Д. Элеш предлагают альтернативную концептуализацию цифрового неравенства, выраженную в неравном доступе к социальному капиталу онлайн. Они считают, что индивиды ограничены в принадлежности к социальным сетям, которые обладают высоким уровнем социального капитала, и с развитием технологий это неравенство увеличивается, а не уменьшается. Например, отмечают они, онлайн боты, отвечающие на запросы клиентов на сайтах компаний, ограничивают доступ к «живым» сотрудникам корпораций. Человека в цифровой среде могут избегать, блокировать его запросы на установление контакта и так далее. Таким образом, члены социальных групп, которые изначально ограничены в соци-

альных контактах, остаются таковыми и онлайн, что создает ситуацию постоянно-го цифрового и социального неравенства. Авторы рекомендуют правительствам и разработчикам социальной политики работать над созданием социальных сетей и «входов» в цифровую социальную среду для уязвимых групп [23, с. 1-22].

Цифровое неравенство является социальной, а не технологической проблемой, и тесно связано с другими видами социального неравенства. Например, исследователи Гомес-Херрера и Кёцгеги рассматривают связь гендерного и цифрового неравенства в современной Европе. Они отмечают, что, хотя неравенство первого уровня (в доступе к Интернету) в зависимости от гендера скорее характерно для бедных развивающихся стран, в Центральной и Восточной Европе разница в доступе к Интернету между мужчинами и женщинами сохраняется на уровне примерно 3%. Более существенно, женщины недостаточно представлены в профессиях, занимающихся разработкой новых технологий. Только 34% выпускников по научно-технологическим специальностям и лишь 17% выпускников по специальностям ИКТ составляют женщины. По мнению авторов, такое неравенство приводит к закреплению гендерных различий в новых технологиях, таких как искусственный интеллект. Например, искусственный интеллект хуже распознает женские голоса, а также в анализе здоровья не учитывает особенности женского организма [24].

Глобальное исследование на базе статистики использования Facebook и Google мужчинами и женщинами, проведенное в 2020 году, указывает на наличие гендерного цифрового неравенства в различных регионах мира, в особенности в тропической Африке и в Южной Азии. Женщины меньше представлены на данных платформах, чем мужчины. При этом не представленность на платформах позитивно коррелирует с недостатком у пользователей таких базовых цифровых навыков как копирование и вставка текста, отправка имейла с вложенным файлом и других [25, с. 779–816].

Варшауер и соавторы рассматривают цифровое неравенство с фокусом на активности детей школьного возраста в интернете. Помимо технического до-

ступа к интернету, дети различаются по целям и направлениям использования Интернета. Большинство школьников, охваченных исследованием, являются потребителями цифрового контента, в то время как меньшинство приступает к производству контента в виде видео фильмов и роликов, креативного написания и критики текстов на тему популярной культуры (фанфикшн), создания субтитров к каким-либо произведениям (фансабтайтлинг), создания анимированных фильмов и так далее. Производство контента наделяет школьника навыками для творческой работы в цифровой среде в будущем. При этом авторам удалось выявить связь цифрового неравенства с традиционными социальными различиями, таким как гендер (например, мальчики чаще, чем девочки, общаются и играют в онлайн игры с незнакомцами) и социальным статусом семей (например, дети из состоятельных семей в два раза чаще играют в онлайн игры со множеством друзей, чем дети из семей с низким уровнем дохода) [26, с.179-225].

Исследователь Ма и соавторы также отмечают, что школьники 15 лет, являющиеся детьми высокообразованных родителей, чаще используют Интернет для самообразования, в то время как их ровесники из семей с низким уровнем образования родителей чаще выходят в Интернет для общения и игр. Это может быть связано и с более высоким уровнем дохода и инвестиций в технику (скорость интернета и так далее) в семьях с более высоким уровнем образования родителей. Анализ количественных данных, проведенный исследователями на базе данных исследования PISA ОЭСР, показывает, что высокий социально-экономический статус семьи школьника создает разницу в уровне цифровой грамотности, приблизительно эквивалентную двум годам обучения. Высокий национальный доход, инвестиции в среднее образование и научно-исследовательскую деятельность сокращают цифровое неравенство среди школьников [27, с. 133–166].

Заключение

Современные социальные науки продолжают разрабатывать понятийный аппарат, необходимый для анализа циф-

ровизации всех сфер жизни общества и цифровой трансформации социальных институтов. Некоторые из уже используемых концептов могут сыграть важную роль в дальнейшем анализе и подлежат обязательному использованию. Так, например, необходимо уделять значительное внимание концепции «цифрового гражданина», так как она описывает набор компетенций и качеств, необходимый для успешной деятельности индивида в цифровой среде. Подробное и ясное определение данного концепта дает пищу для подготовки рекомендаций, касающихся роли системы образования в воспитании и обучении молодых людей навыкам, необходимым «цифровому гражданину».

Не менее важными представляются концепции цифрового этикета, цифровой идентичности, цифрового следа, цифровой приватности, так как они описывают различные аспекты жизни индивида в новых социальных условиях.

Большой интерес вызывают процессы, происходящие в связи с цифровизацией в сфере образования и рынка труда. Опираясь на литературу, можно отметить, что мы наблюдаем коренную трансформацию данных сфер с пока неопределённым конечным результатом.

Влияние цифровизации на политические институты и политическое участие далеко не однозначно и нуждается в дальнейшем изучении. Практически каждый из трендов, отмечаемых исследователями, несет в себе как потенциально положительные, и так и негативные последствия. Примером может послужить мобилизация граждан к политическому участию посредством онлайн-инструментов. С одной стороны, этот тренд помогает актуализировать социальные интересы и облегчает политическую презентацию. С другой стороны, он также может облегчить мобилизацию сторонников радикальных течений и групп.

Манипулирование информацией в социальных сетях развивается и распространяется по мере роста популярности социальных платформ в качестве основного источника информации. Данные процессы неизбежны и нуждаются в дальнейшем изучении. В этих условиях необходимо обратить внимание на тренды и особенности потребления информации в казахстанском обществе, тем более

что имеющиеся данные уже демонстрируют доминирующую роль социальных сетей и платформ как источника информации для казахстанской молодежи.

В перспективе необходимо выработать рекомендации и методики развития цифровой грамотности, в особенности для молодежной аудитории. Развитие цифровой грамотности является единственным механизмом борьбы с дезинформацией, распространяемой посредством социальных медиа в сети Интернет.

Некоторые последствия цифровизации до сих пор недостаточно ясны. Например, глубина и серьезность цифрового неравенства и то, насколько цифровое неравенство будет ограничивать возможности политической репрезентации интересов таких групп, как, например, пожилые люди, бедные, люди с невысоким уровнем образования. Данные вопросы нуждаются в дальнейшем исследовании с учетом специфики конкретных стран, в том числе Казахстана. Цифровое неравенство представляет собой социальную, а не только технологическую проблему, которая не может быть решена исключительно посредством развития технологий и совершенствования доступности и скорости подключения к сети Интернет. Цифровое неравенство второго и третьего уровней связано с наличием у индивида навыков и мотивации к использованию цифровых технологий в целях создания продукта, повышения своего и общего культурного капитала. К сожалению, цифровое неравенство тесно связано с другими видами социального неравенства, такими как уровень дохода и гендер. В дальнейших исследованиях необходимо сосредоточиться на анализе различных факторов и проявлений цифрового неравенства, разработке рекомендаций по наиболее эффективному снижению неравенства с учетом особенностей казахстанского общества.

Финансирование

Статья подготовлена в рамках научного фундаментального исследования BR21882302 «Казахстанский социум в условиях цифровой трансформации: перспективы и риски».

Список литературы

1 Kneuer M., Milner H. Political Science and Digitalization – Global Perspectives. – Verlag

Barbara Budrich, 2019.

2 Enjolras B., Steen-Johnsen K. The Digital Transformation of the Political Public Sphere: a Sociological Perspective // Institutional Change in the Public Sphere: Views on the Nordic Model. – De Gruyter. – 2017.

3 Muellerleile C., Robertson S. L. Digital Weberianism: Bureaucracy, Information, and the Techno-rationality of Neoliberal Capitalism // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. – 2018. – №1(25). – Pp. 187-216.

4 Babaoğlu C. Digitalization of Governments during the Pandemic // *Insight Turkey*. – 2022. – №3(24). – Pp. 151-166.

5 Falk S. The Rise of the Digital Citizen // *Zeitschrift für Politikberatung (ZPB) // Policy Advice and Political Consulting*. – 2011. – № 4(4). – Pp. 157-161.

6 Bennett W. L. The Personalization of Politics: Political Identity, Social Media and Changing Patterns of Participation // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2012, 644, Communication, Consumers, and Citizens: Revisiting the Politics of Consumption. – Pp. 20-39.

7 Dubow T., Devaux A., Manville C. Civic Engagement: How Can Digital Technology Encourage Greater Engagement in Civil Society? – RAND Corporation, 2017. – 12 p.

8 Souza K. C., Bhagwatwar A. Technology-Enabled Participatory Platforms for Civic Engagement: The Case of U.S. Cities // *Journal of Urban Technology*. – 2014. – №21(4). DOI:10.1080/10630732.2014.954898.

9 Falco E., Kleinhans R. Digital Participatory Platforms for Co-Production in Urban Development: A Systematic Review // *International Journal of E-Planning Research*. – 2018. – №7(3). – Pp. 1-27.

10 Santini R.-M., Carvalho H. The rise of participatory despotism: a systematic review of online platforms for political engagement // *Journal of Information Communication and Ethics in Society*. – 2019.

11 Shklovski I., Valtysson B. Secretly Political: Civic Engagement in Online Publics in Kazakhstan // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. – 2012. – №56(3). – Pp. 417-433.

12 Nacional'nyj doklad «Molodezh' Kazakhstana – 2022» [National report «Youth of Kazakhstan - 2022»]. – Astana, 2022. – 384 s. (in Russ)

13 Roesse V. You won't believe how co-dependent they are. From Media Hype to Twitter Storm. – Amsterdam University Press, 2018.

14 Zeitzoff T. How Social Media Is Changing Conflict // *The Journal of Conflict Resolution*. – 2017. – №9 (61). – Pp. 1970-1991.

15 Bradshaw S. Influence Operations and Disinformation on Social Media // *Modern Conflict and Artificial Intelligence*. – 2020. – Pp. 41-47.

16 Bradshaw S., Howard P. N. The global organization of social media disinformation

campaigns // *Journal of International Affairs*. – 71 (1.5). – Pp. 23-32.

17 Prier J. Commanding the Trend: Social Media as Information Warfare // *Strategic Studies Quarterly*. – 2017. – №4 (11). – Pp. 50-85.

18 Rogers R., Niederer S. The politics of social media manipulation. – Amsterdam University Press. – 2020.

19 Ralston S., Kliestik T., Rowland Z., Vrbka J. Are pervasive systems of fake news provision sowing confusion? The role of digital media platforms in the production and consumption of factually dubious content // *Geopolitics, History, And International Relations*. – 2018. – № 2(10). – Pp. 30-36.

20 DiMaggio P., Hargittai E., Celeste C., Shafer S. From Unequal Access to Differentiated Use: A Literature Review and Agenda for Research on Digital Inequality // *Social Inequality*. – Russell Sage Foundation. – 2004.

21 Hsieh J. J., Rai A., Keil M. Understanding Digital Inequality: Comparing Continued Use Behavioral Models of the Socio-Economically Advantaged and Disadvantaged // *MIS (Management Information Systems Research Center, University of Minnesota) Quarterly*. – 2008. – №1(32). – Pp. 97-126.

22 Ragnedda M. Conceptualising the digital

divide // Mapping Digital Divide in Africa: A Mediated Analysis. – Amsterdam University Press. – 2019.

23 Zhao S., Elesh D. The second digital divide: unequal access to social capital in the online world // *International Review of Modern Sociology*. – №1/2(44), – 2018. – Pp. 1-22.

24 Gomez-Herrera E., Köszegi, S. T. A gender perspective on artificial intelligence and jobs: The vicious cycle of digital inequality. – *Bruegel Working Paper*. – №15. – 2022.

25 Kashyap R., Fatehka M., Tamime R. A., Weber I. Monitoring global digital gender inequality using the online populations of Facebook and Google // *Demographic Research*. – 2020. – №43. – Pp. 779-816.

26 Warschauer M., Matuchniak T., Pinkard N., Gadsden V. New technology and digital worlds: Analyzing evidence of equity in access, use, and outcomes // *Review of research in education*. – 2010. – №34(1). – Pp. 179-225.

27 Ma J. K.-H., Vachon T. E., Cheng S. National Income, Political Freedom, and Investments in R&D and Education: A Comparative Analysis of the Second Digital Divide Among 15-Year-Old Students // *Social Indicators Research*. – 2019. – №144(1). – Pp. 133-166.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Байжол Искакович Карипбаев

профессор, доктор философских наук, Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан, email: karipbaev@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-3787-1307

Анара Даулетовна Макатова

ассистент профессора, PhD, Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан, email: makatova_anara@buketov.edu.kz, ORCID ID: 0009-0001-7692-1119

Татьяна Александровна Резвущкина

старший преподаватель, магистр социологии, Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан, email: rezvushkina_t78@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-2504-0602

Байжол Искакович Карипбаев

профессор, философия ғылымдарының докторы, академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды, Қазақстан, email: karipbaev@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-3787-1307

Анара Даулетовна Макатова

доцент, PhD, академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды, Қазақстан, email: makatova_anara@buketov.edu.kz, ORCID ID: 0009-0001-7692-1119

Татьяна Александровна Резвущкина

аға оқытушы, әлеуметтану магистрі, Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды, Қазақстан, email: rezvushkina_t78@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002+2504-0602

Baizhol Karipbaev

Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan, email: karipbaev@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-3787-1307

Anara Makatova

Assistant Professor, PhD, Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan, email: makatova_anara@buketov.edu.kz, ORCID ID: 0009-0001-7692-1119

Tatyana Rezvushkina

Senior Lecturer, Master of Sociology, Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan, email: rezvushkina_t78@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-2504-0602